

ЛУЦИИ АННЕЙ
СЕНЕКА

ф и л о с о ф и я н а п а л ь ц а х

луций анней
СЕНЕКА

нравственные
письма к Луцилию

хрестоматия

с комментариями и объяснениями
Николая Карпицкого

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)

С31

Дизайн серии *Ивана Ковригина*

Дизайн обложки *Диана Бобешко*

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии
доктора философских наук Николая Карпицкого

Перевод с латинского *Платона Краснова, Сергея Ошеров*

Сенека, Луций Анней

С31 Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека; сост., предисл., коммент. Н. Карпицкого; пер. П. Краснова, С. Ошеров. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-117487-3

Луций Анней Сенека — один из самых известных философов стоицизма, писатель Древнего Рима, воспитатель императора Нерона, по иронии судьбы позже ушедший из жизни по его же приказу. Сочинения Сенеки оказали огромное влияние на всех христианских мыслителей последующих лет. Он пользовался таким уважением, что ему даже приписывали переписку с апостолом Павлом.

Настоящую хрестоматию составили фрагменты двух лучших произведений Сенеки «О благодеяниях» и «Нравственные письма к Луцилию». В них философ рассуждает о дружбе, благодеянии и добродетели, о превратностях судьбы, о смерти человека и его вечном процессе умирания на Земле, о радости и наслаждении, о мудрости жизни, о самопознании, о том, что такое философия и что она дает человеку...

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-117487-3

© Н.Н. Карпицкий, составление, предисловие,
преамбулы к текстам, комментарии, 2020

© С.А. Ошеров (наследники), перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Жизненная и философская драма Сенеки

Понимание философской теории подразумевает, с одной стороны, осознание жизненного опыта ее создателя, а с другой стороны, позволяет приобщиться к опыту той культуры, которой принадлежит этот мыслитель. В данном смысле наследие Сенеки глубоко лично и вместе с тем универсально, поскольку соединяет нас с другой эпохой, открывая мир Древнего Рима.

На протяжении античной эпохи задачи философии изменялись. В период расцвета греческих полисов ее главная цель заключалась в раскрытии разумной природы человека. В Греции тех времен полис был небольшим городом-государством, где каждый гражданин мог быть в курсе всех событий и имел свою позицию. Ее требовалось отстаивать, что способствовало установлению демократии. Однако демократический путь был не всегда успешным, а иногда и болезненным. А это приводило к вопросу: как можно быть уверенным, что при демократии люди станут устанавливать действительно разумные законы? К сожалению, этот вопрос до сих пор не перестает быть актуальным, но в античности был найден свой ответ.

В мировосприятии жителя Древней Греции полис должен быть устроен разумно, наподобие космоса, в чьей основе также лежит разумное начало. Античный эллин осознавал себя частичкой Вселенной, и вместе с тем он не отделял себя от своего города, поэтому был убежден: существование вне полиса свойственно варвару или зверю, но не ему. В основе человека лежит разум, причастный разуму космическому, и каждый призван раскрыть его в жизни родного города. Разум человека проявляется в способности устанавливать мудрые законы и жить по ним в обществе себе подобных. Если же гражданин поступает дурно, то есть неразумно, значит, он еще не познал свою природу. Но если с помощью философии показать человеку, как следует поступать разумно, то он уже не сможет вести себя иначе, ибо это означало бы идти против собственного естества.

После завоеваний Александра Македонского греки расселились на огромном пространстве и оказались в новом широком мире, известном им очень мало и потому не прибавляющем уверенности в завтрашнем дне. Перед философией возникает новая задача — подготовить человека к перипетиям непредсказуемой судьбы, которая ожидает его в таком мире. В этот период философия понимается как целительница души, а мыслители ориентируются на идеал му-

дреца, невозмутимо принимающего жизнь такой, какая она есть, что бы ни преподнесло ему будущее.

Сенека жил в тот период, когда римляне, завоевав Элладу, сами были покорены греческой культурой и философией. Из всей греческой мудрости ближе всего им оказалась этика. Они заимствовали ее и адаптировали к новым жизненным условиям, связанным с объединением под властью Рима большей части известного им мира. Идеал невозмутимого мудреца меняется на идеал гражданина, который способен поступать честно, несмотря на внешние обстоятельства, и новая цель философии — помочь человеку стать достойным гражданином. Все эти вопросы Сенека рассматривает в своих произведениях.

Луций Анней Сенека Младший (4 г. до н.э., Кордова — 65 г. н.э., Рим) был не только философом-стоиком, но и драматургом и государственным деятелем. Родился он в знатной семье. Отец — Луций Анней Сенека Старший, известный писатель и ритор, происходил из привилегированного сословия эквитов (всадников). Сенека Младший уже в раннем возрасте оказался в Риме, где обучался литературе, грамматике и риторике. Еще в юношестве он увлекся философией и получил образование у Сотииона, сочетавшего пифагорейские представления со стоицизмом, стоика Аттала и эклектического философа, ритора и автора трудов по физике Папирия Фабиана.

В молодости Сенека страдал от болезни дыхательной системы. Около 20 г. н.э. он отбыл в Египет, где о нем заботилась его тетя, супруга префекта Египта. В 31 г. философ вместе с ней возвращается в Рим и благодаря ее влиянию через два года становится квестором (помощником консула, проводившим предварительные расследования), а в 37 г. входит в сенат.

Популярность и ораторское искусство Сенеки вызвали беспокойство у императора Калигулы, потребовавшего, чтобы он покончил жизнь самоубийством. Однако Калигулу убедили, что Сенека все равно скоро умрет от болезни, и это спасло философа. В 41 г. императором становится Клавдий. Новая императрица Мессалина, третья жена Клавдия, обвиняет Сенеку в супружеской измене с Юлией Ливиллой, младшей сестрой Калигулы и Агриппины. Сенат вынес философу смертный приговор, который Клавдий заменил ссылкой на Корсику, где Сенека провел восемь лет. В 49 г. сестра Калигулы Агриппина выходит замуж за своего дядю — императора Клавдия. Она использует свое влияние, чтобы вернуть Сенеку из ссылки, предлагая ему быть наставником своего сына — будущего императора Нерона.

В 54 г. Клавдий умирает, став жертвой отравления. Во главе Рима становится шестнадцатилетний Нерон. Своими первыми советниками он делает Сенеку и префекта преторианцев Секста Афрания Бурра. Используя влияние на моло-

дого императора, философ определяет всю политику Рима. Его влияние и богатство достигают пика, когда спустя год он получает должность консула-суффекта, позволявшую занять место какого-либо консула в случае его отстранения или смерти. В 59 г. Нерон убивает свою мать Агриппину и вынуждает Сенеку выступить в сенате с оправданием этого преступления. В результате отношения философа с императором ухудшаются. В 62 г. он подает прошение об отставке и отказывается от своего состояния в пользу Нерона. Тот не принимает это прошение, опасаясь за свою репутацию, тем не менее Сенека лишается всякого политического влияния и удаляется на покой. В этот период император сокращает полномочия сената, устраивает массовые казни, проводит конфискации имущества, что вызывает недовольство среди ближайшего окружения и приводит к заговору с целью его убийства и передачи власти аристократу Гаю Кальпурнию Пизону. В 65 г. заговор был раскрыт, начались аресты и пытки участников, один из которых указал на Сенеку как на соучастника. Философ отрицал свое участие в заговоре, но Нерон все равно приказал ему покончить с собой. Сенека умер, вскрыв себе вены в ванной, как нередко поступали знатные римляне.

Отношение к Сенеке в истории было неоднозначным. В ранней христианской традиции он пользовался уважением настолько, что даже была придумана его апокрифическая переписка с апостолом Павлом. Но были и те, кто отмечал противоречие между этическим учением и делами Сенеки. Ему ставилась в вину роскошная жизнь в Риме, его прошение во время изгнания на Корсику, вместо невозмутимого принятия судьбы, как это подобало бы мудрецу, лесть в отношении Нерона, от которого он зависел, и тому подобное. На самом деле тут нет противоречия, поскольку этическая философия для Сенеки была не средством предписаний, а средством лечения души. Власть и богатство имеют обратную сторону — зависимость и угрозу потерять все вплоть до свободы и жизни. Сенека испытал на себе переменчивость судьбы. Она то возносит человека, то низвергает, и поэтому необходимо очень сильное средство для обретения душевного равновесия. Таким средством для него стала стоическая философия.

Это направление мысли можно понять только в контексте греческой стоической метафизики. Учение о логосе как мировом разуме стоики взяли у Гераклита Эфесского, считавшего, что первоначалом всего является огонь. Он раскрывается в становлении космоса и в мировом логосе, пронизывающем этот космос подобно тому как человеческий ум — тело. Но в отличие от Гераклита стоики видели цель этого развития — человека, и не просто как такового, а мудреца, упорядочивающего жизнь посредством своего разума, в котором открывается мировой логос. Стоики не противопоставляли идеальное бытие материальному — в логосе сливаются духовное и телесное, божественное и земное.

Стоический идеал мудреца — невозмутимо принимать судьбу, какие бы сюрпризы она ни преподнесла. С одной стороны, стоики считали, что все пронизано разумом, с другой — что в мире царит слепая, неумолимая и непредсказуемая судьба, и в этом можно усмотреть противоречие. Оно разрешается в стоической теории познания. Космос пребывает в становлении, но смыслы, которые люди выражают в языке, статичны, поэтому любая высказанная словами мысль может схватывать только свершившиеся факты, а не само становление. Даже если я рассуждаю о настоящем или будущем, я все равно веду речь об этом как о череде фактов. Так, когда я говорю, что вижу неповторимый закат или что ожидаю увидеть его, то все равно указываю на смысл факта регулярного захода солнца. Само же становление, переживаемое как неповторимое, я не могу выразить словами. Мировой разум раскрывается в становлении, но оно может быть осмыслено человеком лишь как череда фактов. Следовательно, само оно остается непостижимым для понимания и воспринимается как слепая и непредсказуемая судьба, но если это становление завершилось и осознается как факт, то тогда вполне можно его осмыслить и увидеть разумность всего происходящего.

К примеру, на вершине своего могущества Сенека не мог знать, будет ли фортуна и дальше ему благоволить или низвергнет; предначертанное ею будущее нельзя ни изменить, ни рационально просчитать, поэтому остается лишь без колебаний его принять. Когда же судьба отправила Сенеку в изгнание, он уже мог рационально понять логику происходящего. Страдание кажется непереносимым, пока оно бессмысленно, если же с более высокой позиции разглядеть в происходящем положительный смысл, то тогда можно принять действительность, отрешившись от страдания. Такое понимание определяет практическое отношение стоика к жизни: невозмутимо принимать свою судьбу, не пытаясь ее избежать, какие бы непредсказуемые и страшные подарки она ни уготовила. Когда же событие свершится, можно увидеть в нем разумный смысл, обретя внутреннее умиротворение и тем самым возвысившись над судьбой. Именно это практическое отношение лежит в основе этического учения Сенеки.

Задача стоика не в том, чтобы терпеть предуготовленные судьбой страдания, а в том, чтобы обрести такое состояние души, когда они уже не будут волновать. Иначе говоря, должно быть нечто большее, причастность к чему дает такое сильное ощущение жизни, которое перекрывает любые страдания. Если человек оказывается перед лицом смерти, то больше всего его пугает утрата ощущения жизни. Независимо от того, существует загробная жизнь или нет, чувствование себя живым изменится либо исчезнет совсем. В этот момент выясняется, что самое главное — ощущение собственного существования, а вовсе не слава, богатство или удовольствия от обладания некими вещами. Однако

когда человек поступает вопреки себе, приспосабливается, предается житейской суете или погоне за внешними удовольствиями, то он остается неудовлетворенным и его ощущение жизни ослабевает. Но если он поступает в соответствии с собой, реализует себя в поступках, следует внутреннему призванию, то это ощущение возрастает, что приносит несравненно большую радость, нежели обладание внешними вещами.

Стоики считали, что поступать в соответствии с собой — значит жить в соответствии со своей разумной природой, ибо сущность человека в разуме, который является проявлением мирового разума — логоса. Поступая разумно, мы раскрываем свою истинную природу и обнаруживаем причастность высшему бытию. Эта причастность дает столь сильное ощущение жизни, что перед ним меркнут не только все радости и страдания, обусловленные внешними вещами, но и сама смерть. Да, она отнимает все, что человек имеет индивидуально, но раскрывая свою природу, он ощущает единство с мировым разумом, над которым смерть не властна, и это сообщает ему высшую радость. Реализация разумной природы в повседневной жизни осуществляется в добродетельных поступках. Добродетели уже сами по себе — награда для человека, так как никакие внешние удовольствия не сравнятся с ощущением жизни, сопровождающим раскрытие высшего бытия в повседневной действительности. Поэтому стоик поступает добродетельно, не ожидая мирских наград и не опасаясь наказаний.

Сенека полностью разделяет такое стоическое понимание, но при этом нуждается в критерии, позволяющем отсечь все, что обусловлено обстоятельствами и страстями, вызванными стремлением к ложным целям — власти, славе, богатству, — от того, что в жизни истинно и не зависит от внешних вещей или событий. Таким критерием становится памятование о смерти.

Она отнимает все, чем бы ни обладал человек, раскрывая тем самым иллюзорность природы бренного мира. Подлинным является лишь то, над чем смерть не властна, — это мировой разум, или логос, причастность которому человек чувствует, совершая добродетельные поступки и разумно организуя свою жизнь. Людей очень часто поглощает суета жизни: бедняку приходится тратить все силы, добывая пропитание, а богатство и власть приносят лишь новые заботы. Сенека же испытал взлеты и падения, роскошь и борьбу за выживание, власть и беспомощность. В таких перипетиях судьбы легко утонуть, поэтому, чтобы не забыть себя подлинного, требуется такое средство как памятование о смерти. Сенека много пишет о готовности в любой момент встретиться с ней. Это дает утешение и моральную поддержку, так как сразу становится понятно, что все происходящее вокруг не стоит переживаний, а внутреннюю причастность высшему благу, под которым он понимает мировой разум, ничто не мо-

жет отнять. Руководствуясь внутренним долгом, человек следует своей природе, и это дает ему удовлетворение, позволяющее сохранить невозмутимость, идя на пир или на эшафот.

Впрочем, Сенека обнаруживает, что даже памятование о смерти слишком слабое средство. Он посвящает целый ряд писем из собрания «Нравственные письма к Луцилию» идее готовности к самоубийству. Стремясь отрешиться от всякой внешней зависимости, философ в данном случае переступает грань и попадает в зависимость иного рода — от мыслей о смерти. Действительно, внутренняя готовность уйти из жизни сопровождается чувством освобождения от всех земных забот. Сенека стремится обрести такое чувство, но оказалось, что эти заботы слишком сильны, и он поддается опасному искушению — вместо того, чтобы просто помнить о смерти, он стремится воспитать в себе готовность к самоубийству. Превратив памятование о смерти в философский метод самопознания, Сенека обнаружил в своей жизни такие противоречия, что в стремлении к отрешенности впал в противоположную крайность, и, по иронии судьбы, именно так ему и предстояло умереть — покончив жизнь самоубийством по приказу собственного ученика, императора Нерона.

Стоическая этика Сенеки изложена в его философских произведениях: «Утешение к Марции», «О гневе», «Утешение к Гельвии», «Утешение к Полибию», «О кратковременности жизни», «О милосердии», «О досуге», «О душевном покое», «О благодеяниях», «Натурфилософские вопросы», «О провидении», «О стойкости мудреца», «О блаженной жизни» и собрании 124 писем, написанных Луцилию Младшему, — «Нравственные письма к Луцилию». Кроме того он известен пародийной сатирой «Отыквление божественного Клавдия» и трагедиями, которые своим мрачным тоном и изображением страстей настолько контрастируют с его стоической философией, что вплоть до XVI века было принято считать Сенеку-философа и Сенеку-драматурга двумя разными людьми. Например, его трагедия «Медея», написанная после одноименной трагедии Еврипида со схожим сюжетом, отличается такой степенью изображения насилия и жестокости, что порой ее начинают рассматривать как грубую и эпатажную версию произведения Еврипида. Таким образом, в творчестве Сенеки отражено противоречие между его этической практикой и этическим учением, и именно это противоречие объясняет, почему он в стремлении к стоическому идеалу попадает в крайность относительно ценностного учения о смерти.

Николай Карпицкий

о благодеяниях
семь книг к Эбуцию Либералию

Произведение Сенеки «О благодеяниях» (*De Beneficiis*) написано между 56 г. и 62 г. и принадлежит к серии диалогов, посвященных моральным вопросам. Автор обращается к Эбуцию Либералию (вероятно, это римский аристократ; об этом человеке мало что известно). Он предстает на страницах своего труда как практический философ – не задается решением метафизических проблем, но использует метафизику стоиков, чтобы определить принципы нравственной жизни. Эта работа состоит из семи книг. В первых четырех Сенека рассматривает, как давать и принимать благодеяния. В последних трех он касается второстепенных вопросов, которые опустил ранее. Не ограничиваясь нравственными наставлениями, мыслитель подводит под них философское обоснование и раскрывает смысл благодеяний с позиции стоиков.

Книга первая

В первой книге Сенека рассуждает о благодарности и неблагодарности за благодеяние с точки зрения стоика.

Глава 1

Мысль философа движется от постановки проблемы на внешнем социальном уровне, переходя затем к рассмотрению ее с позиции природы человека, причастной мировому разуму. В первой главе он описывает проблему: заблуждения относительно того, как давать и принимать благодеяния. Неправильно оказанное благодеяние порождает неблагодарность — тяжкий порок. А благодарность может быть отравлена навязчивым требованием вознаграждения благодеяния.

(1) Среди многих и разнообразных заблуждений людей, живущих безрассудно и необдуманно, мне кажется, досточтимый Либералий, нет почти ничего более опасного, как то, что мы не умеем ни давать, ни принимать благодеяний. Благодеяния же, худо оказанные, обыкновенно худо и принимаются, и если нам их не возвращают, то поздно жаловаться: мы потеряли их в тот самый момент, когда давали. И не удивительно, если среди наиболее распространенных и наиболее тяжких пороков чаще всего встречается неблагодарность.

(2) Это, очевидно, зависит от многих причин, и, во-первых, — от того, что мы не выбираем людей, которые были бы достойны благодеяния, но, имея в виду приобрести должников, тщательно собираем сведения относительно их родовых имений и движимого имущества. Мы не бросаем семян на истощенную и бесплодную почву, благодеяния же скорее безо всякого разбора разбрасываем, чем даем.

(3) И нелегко сказать, что хуже: не сознавать благодеяния или требовать его обратно, ибо благодеяние есть долг такого рода, что из него следует возвращать только то, что охотно возвращается; тяготиться им весьма постыдно по той причине, что для оправдания доверия (в этом случае) нужны не материальные средства, а душа. Благодеяние возвращает тот, кто охотно сознает его. Но если и лежит вина на тех, кто даже в сознании не воздает благодарности, то не безвинны и мы.

(4) Много мы встречаем неблагодарных, но еще более сами делаемся такими. В одном случае мы бываем сурово требовательны и притязательны, в другом — легкомысленны и очень скоро раскаиваемся в своем благодеянии, в третьем — бываем сварливы и жалуемся, когда упускают малейшую возможность нам уплатить. Таким образом мы отправляем всякую благодарность не только после того, как оказали благодеяние, но и в тот самый момент, когда оказываем.

(5) В самом деле, кто из нас бывал доволен, когда его просили недостаточно усердно или только однажды? Кто, замечая, что к нему хотят обратиться с просьбой, не нахмурил бровей, не отвращал лица, не притворялся занятым и длинными речами, намеренно бесконечными, не отклонял удобного для просьбы случая, не избегал, при помощи разнообразных хитростей, людей, прибегавших к нему со своими нуждами?

(6) Будучи же застигнут в безвыходном положении, кто не старался оттянуть времени, давая этим осторожный отказ, или хотя и обещал, но через силу, нахмутив брови, сердито и едва выговаривая слова?

(7) Но ведь никто охотно не признает себя должником в том случае, когда он не получил, а вынудил. Может ли кто быть благодарен тому человеку, который гордо бросил благодеяние, с гневом выкинул